НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81'33
https://doi.org/10.25076/vpl.59.01
Е.П. Мурашова[1]
Московский государственный лингвистический университет,
НИУ «Московский энергетический институт»

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕТЕРОТОПИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕМОРАТИВНОГО ДИСКУРСА)

Статья посвящена лингвокогнитивным особенностям гетеротопии в коммеморативном дискурсе, т.е. дискурсе памятования, который в эпоху коммуникативного воздействия приобретает особую значимость. Термин «гетеротопия», введенный в гуманитарные науки М. Фуко, в настоящей работе понимается как коммуникативное пространство для трансляции коллективной памяти в коммеморативном дискурсе. Цель статьи – построить лингвокогнитивную модель гетеротопии «коллективная память», лежащей в основе коммеморативного дискурса. Материалом исследования послужили 800 малоформатных англоязычных онлайн-текстов, опубликованных американскими, британскими и канадскими политиками с 2018 по 2024 гг. Источником текстов послужила личная картотека автора настоящей статьи. Для работы с материалом исследования применялись как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, описание и др.), так и типы анализа языковых явлений (компонентный, концептуальный, категориальный анализ, лингвостилистический и дискурсивный анализ и др.). Моделирование гетеротопии осуществлялось при помощи когнитивно-матричного анализа. В результате анализа материала

[1] © **Мурашова Е.П.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

исследования была построена и описана когнитивно-матричная модель гетеротопии «коллективная память». Модель представляет собой трехмерную динамическую матрицу с ядерно-периферийной структурой, где ядро образовано концептуальной оппозицией «другость–одинаковость», а периферия – когнитивными контекстами «прошлое/будущее» и «настоящее», расположенными зеркально и разделенными проницаемой границей. Матрица приводится в движение механизмом когнитивной иллюзии, задающим толкование реальности посредством набора «ракурсов» ее репрезентации (точек зрения). Выделены пять «ракурсов», адресно активирующих компоненты матрицы и реализующих преодоление границы между временными планами. Выявлены средства вербализации гетеротопии коммеморативного дискурса, среди которых важную роль играют прецедентные имена и паремии.

Ключевые слова: лингвокогнитивное моделирование, гетеротопия, коммеморативный дискурс, когнитивно-матричный анализ, когнитивная иллюзия, прецедентное имя, паремия

UDC 81'33
https://doi.org/10.25076/vpl.59.01
E.P. Murashova
Moscow State Linguistic University,
Moscow Power Engineering Institute

LINGUOCOGNITIVE MODELING OF A HETEROTOPIA (AN ANALYSIS OF COMMEMORATIVE DISCOURSE)

The article is devoted to the linguocognitive peculiarities of the heterotopia in commemorative discourse, i.e. discourse of remembrance, which has risen to prominence in the era of communicative impact. The term "heterotopia", introduced into the humanities by M. Foucault, is understood hereinafter as a communicative space for passing on collective memory in commemorative discourse. The article aims to build a linguocognitive model of the "collective memory" heterotopia on which commemorative discourse is based. The research material is 800 small-format English-language online texts published by American, British and Canadian politicians from 2018 to 2024. The texts were

extracted from the personal digital files of the author of the present paper. The empirical material was analyzed with general scientific methods (analysis, synthesis, description, etc.) and types of analyzing language phenomena (componential, conceptual, categorial analysis, linguostylistic, discourse analysis, etc.). The modeling was implemented with the cognitive-matrix analysis. Having analyzed the research material, the author comes up with a three-dimensional dynamic cognitive-matrix model of the "collective memory" heterotopia, nuclear-peripheral in structure. The nucleus is formed by the "otherness – sameness" conceptual opposition, while the periphery consists of two cognitive contexts – "Past/Future" and "Present", mirroring each other, with a permeable boundary in-between. The matrix is set in motion with the mechanism of the cognitive illusion which predetermines a certain interpretation of reality through "biases" in its representation, or viewpoints. The author reveals five "biases", which targetedly activate the components of the matrix and help to overcome the boundary between the time planes. Means of verbalizing the "collective memory" heterotopia get revealed, precedent names and paroemiae playing the key role among them.

Keywords: linguocognitive modeling, heterotopia, commemorative discourse, cognitive-matrix analysis, cognitive illusion, precedent name, paroemia

Введение

Одним из векторов развития современного дискурса является обусловленное цифровыми трансформациями «коммуникативное сжатие мира» (Карасик, Слышкин, 2021, с. 23), которое заключается в создании нетемпорализованного и нелокализованного коммуникативного пространства с проницаемыми границами наподобие «глобальной деревни» М. Маклюэна. Конструирование коммуникативных пространств, или в ряде случаев – альтернативных миров, отражающих или преломляющих, но не повторяющих реальное положение вещей, изучается в науках гуманитарного цикла – главным образом в философии, культурологии, искусствоведении и литературоведении. В литературоведении и искусствоведении коммуникативное пространство нередко обозначается термином «художественное пространство» или «художественный мир» (Малинина, 2020). В

лингвистике под коммуникативными пространствами, как правило, понимаются пространственно-временные целостности, образующие непосредственный контекст коммуникации (Маслова, 2017; Почепцов, 2001; Малюга, 2008; Malyuga, & Tomalin, 2017).

В предлагаемой статье гетеротопия трактуется как особая разновидность коммуникативного пространства, порождаемая институциональным дискурсом, в частности, коммеморативным. Под коммеморативным дискурсом здесь и далее мы понимаем «совокупность опосредованных языком социальных практик сохранения, продвижения и передачи наследия прошлого» (Мурашова, 2024, с. 32). Термин «гетеротопия» мы понимаем в значении, предложенном М. Фуко в его концепции гетеротопий как «других пространств»: абсолютно «иные» места, отличные от всех мест, «которые они отражают и о которых говорят», названные «в противоположность утопиям» (Фуко, 2006, с. 196). Формой бытования и инструментом конструирования гетеротопии в институциональной коммуникации, как нам представляется, служит дискурс.

Актуальность обращения к гетеротопии в настоящей статье обусловлена, прежде всего, «пространственным поворотом» (англ. – *spatial turn*) в гуманитарных науках, который проявляется во внимании к категории пространства и пространственным метафорам (пространство тела, города, коммуникации, времени, памяти и пр.) (Hess-Lüttich, 2017).

В гуманитарных науках (философии, культурологии, социологии, литературоведении и коммуникативистике) гетеротопия, как правило, изучается в двух ипостасях – как междисциплинарный объект исследования и междисциплинарная методология (Баева, 2017; Скворцов, Комалова, Сергеев, 2019). В качестве объекта исследования гетеротопия представляет собой идеологический и социально-регулятивный ресурс влияния на массовое сознание. В качестве методологии она призвана объяснить вектор цивилизационного развития в цифровую эпоху. В лингвистике, как отечественной, так и зарубежной, изучение гетеротопии пока что носит фрагментарный характер и ограничивается описанием средств вербализации категорий пространства и времени в литературном произведении (Лазаренко, Суздальцева, 2020) или лингвокультуре (Bozia, 2024). В

лингвистике, как и в других гуманитарных науках, в результате «пространственного поворота» наметилась тенденция исследовать дискурс «в многомерном пространстве с подвижной сеткой координат, включающей параметр времени» (Кубрякова, 2012, с. 122), при этом еще нет отдельного исследования, посвященного лингвокогнитивным основаниям и механизмам конструирования гетеротопии в институциональном дискурсе.

Цель настоящей статьи – построить и описать лингвокогнитивную модель гетеротопии «коллективная память», составляющей основу коммеморативного дискурса. Под коллективной памятью, основываясь на социологической концепции М. Хальбвакса, мы понимаем коммуникативное пространство, состоящее из совокупности разделяемых в том или обществе знаний о прошлом (Мурашова, 2024, с. 32; Grishechko, Sharma, Zheleznova, 2021). Достижение цели предполагает решение следующих задач: 1) дать определение термину «гетеротопия» и провести его первичную адаптацию к лингвокогнитивному терминологическому аппарату; 2) выявить ключевой лингвокогнитивный механизм создания гетеротопии «коллективная память» в коммеморативном дискурсе; 3) с использованием когнитивно-матричного анализа схематично изобразить и описать когнитивную матрицу гетеротопии «коллективная память» в коммеморативном дискурсе; 4) выделить и систематизировать средства вербализации выявленной матрицы.

Материал и методы

Материалом исследования выступили 800 малоформатных (до 280 символов) англоязычных онлайн-текстов, опубликованных американскими, британскими и канадскими политиками с 2018 по 2024 гг. на официальных ресурсах. Тексты были извлечены из личной картотеки автора настоящей статьи.

При анализе эмпирического материала применяются как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, описание, наблюдение, сравнение и др.), так и типы лингвокогнитивного анализа языковых явлений (компонентный, концептуальный, категориальный анализ). Для моделирования гетеротопии использовался когнитивно-матричный анализ, разработанный Н.Н. Болдыревым применительно к концептуально-сложным форматам знания. Выявление средств вербализации гетеротопии

осуществлялось при помощи дефиниционного, контекстуального, лингвопрагматического, лингвостилистического и дискурсивного анализа. Отбор материала производился методом сплошной выборки.

Выбор коммеморативного дискурса обусловлен, прежде всего, тем, что в его основе лежит гетеротопия «коллективная память», которая представляет собой своеобразный «виртуальный музей» воспоминаний о прошлом, разделяемых социальной группой.

Результаты и обсуждение

Понятие гетеротопии. Гетеротопия в лингвистике

В свете постмодернистской тенденции к «симулякративизации» культуры, описанной в теории симулякров Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2015), категория пространства претерпела ряд изменений в общественном сознании. В частности, произошла утрата чувства реальности, и реальность стала повсеместно подменяться и вытесняться «гиперреальностью», представляющей собой особую, во многом более привлекательную знаково-символьную среду, насыщенную симулякрами – знаками без прямых референтов (Бодрийяр, 2015). Для описания и объяснения феномена «гиперреальности» как пространства требуется разработка понятийно-терминологического аппарата с привлечением знания различных гуманитарных наук. На наш взгляд, применительно к дискурсивно конструируемому альтернативному пространству в лингвистике наиболее удачным термином является «гетеротопия».

Термин «гетеротопия» (от греч. ἕτερος – «иной, другой» и τόπος – «место») пришел в гуманитарные науки из биологии. Он был введен в 1866 г. Э. Геккелем для обозначения одной из форм эмбрионального развития организма и определяется как «изменение в процессе эволюции места эмбриональной закладки того или иного органа»[2]. В 1966 – 1967 гг. понятие гетеротопии было введено в оборот гуманитарных наук М. Фуко в его работах «Порядок вещей» и «Другие пространства». Гетеротопии понимаются им в значении «иных» пространств,

[2] Гетеротопия // Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров. – М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 130.

противопоставленных утопиям и служащих «своего рода фактически реализованными утопиями» (Фуко, 2006, с. 196).

Благодаря своей метафорической основе и соотносимости с основными понятиями неклассической философии гетеротопия зарекомендовала себя как междисциплинарное понятие и методическая универсалия при изучении широкого спектра явлений культуры в гуманитаристике (Шестакова, 2014).

Использование термина «гетеротопия» вместо смежных терминов типа «гиперреальность» или «виртуальная/альтернативная реальность», на наш взгляд, имеет следующие преимущества.

Во-первых, «гетеротопия» содержит в себе указание на примат категорий пространственности и локативности над категорией времени. Во-вторых, гетеротопия эксплицирует «другость» как концептуальное ядро создаваемого пространства. Как отмечает М. Фуко, гетеротопии выступают «“контрместоположениями”, в которых реальные местоположения <…> сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются <…> » (Фуко, 2006, с. 196). В-третьих, отсутствие категориального обозначения «реальность/нереальность» позволяет абстрагироваться от идеи недостоверности создаваемого пространства. М. Фуко подчеркивает реальность и локализуемость гетеротопий: «реальные, подлинные места, вписанные в конкретные общественные институты <…> места, находящиеся за пределами всех остальных мест, хотя, несмотря на это, они фактически локализуемы» (Там же). В концепции М. Фуко предлагается шесть принципов гетеротопии, первый из которых постулирует ее статус как культурной универсалии. В качестве примеров М. Фуко приводит пространства, различные по направленности, структуре, длительности, открытости и форме: зеркало, сад, музей, тюрьма, кладбище и др.

В лингвистике термин «гетеротопия» является малоупотребительным и нуждается в адаптации. Для понимания особенностей оязыковления гетеротопии следует обратиться к третьему принципу концепции М. Фуко, гласящему, что гетеротопия сочетает в себе пространства, которые, как правило, сами по себе несовместимы (Фуко, 2006, с. 200). Язык гетеротопии также следует принципу совмещения несовместимого. Как

отмечает М. Фуко, в отличие от утопий, которые утешают, гетеротопии, наоборот, тревожат. Тревога возникает «видимо, потому, что незаметно они подрывают язык; <…> “разбивают” нарицательные имена или создают путаницу между ними; потому что они разрушают “синтаксис”», причем не только внутри предложений, но и тот, который связывает слова и вещи, «утрачена “общность” места и имени» (Фуко, 1994, с. 31).

В гетеротопии «коллективная память» коммеморативного дискурса совместимость несовместимого вербализуется, прежде всего, за счет реконтекстуализации – процесса трансфера элементов одного дискурса в другой, сопровождаемое их трансформацией для адаптации к новому контексту (Linell, 1998, с. 144). Так, в коммеморативном дискурсе прецедентное имя или высказывание, обычно ассоциируемое с определенным историческим контекстом, может переноситься в контекст настоящего времени, получать в нем новое значение и приводить к созданию нового «синтаксиса».

Таким образом, с точки зрения лингвистики, гетеротопия – это сложный дискурсивный конструкт, представляющий собой вербализованное коммуникативное пространство, которое намеренно противоречит реальности за счет сочетания несочетаемых в ней элементов. «Примирение» несочетаемого в гетеротопии, как правило, достигается посредством реконтекстуализации.

Когнитивная иллюзия как ключевой механизм гетеротопии

Кризис идентичности постмодернистской культуры, возникший в результате утраты референтов и ценностных ориентиров, привел к формированию так называемого дискурса «дефицита реальности», основным признаком которого выступает «виртуализация реальности» (Яковлева, 2021, с. 1186). «Виртуализация», в свою очередь, здесь и далее понимается в широком философском смысле как наделение реальности признаками иллюзии, а продукт виртуализации, «виртуальная реальность», – как «иллюзия, создаваемая посредством имитации (перевод наш – Е.М.)» (Dokuchaev, & Golokhvast, & Sokolov, 2023).

Гетеротопия, на наш взгляд, представляет собой разновидность виртуального дискурса ввиду ее иллюзорно-реального характера. Выстраивание гетеротопии не сводится к простому копированию реальности и/или ее замене нереальностью, но представляет собой

создание при помощи симулякров нового пространства наподобие «виртуального музея», противопоставленного реальности и призванного по запросу общества заполнить существующие в ней лакуны. Создание «виртуального музея» становится возможным благодаря языку, что придает обоснованность изучению гетеротопий с лингвистических позиций. По аналогии с реальным музеем, где экспонаты, как правило, сопровождаются этикетками на естественном языке, «виртуальный музей» в абсолютном большинстве случаев стремится к оязыковлению своих «экспонатов»-симулякров, прежде всего, ввиду отсутствия для них референтов.

Иллюзорность гетеротопии является результатом действия когнитивной иллюзии, под которой мы понимаем когнитивный механизм, задающий определенное толкование реальности посредством системы «ракурсов» (англ. – *biases*) ее репрезентации (Pohl, 2022, с. 3).

Считается, что термин «когнитивная иллюзия» был впервые предложен еще в начале XIX в. французским математиком П.-С. маркизом де Лапласом в его работе «Философское эссе о вероятностях», впервые опубликованной в 1814 г., для обозначения ошибок в суждениях (Laplace, 1902). В 1970-х гг. термин был введен в когнитивную психологию А. Тверски и Д. Канеманом в рамках их программы «эвристик и предубеждений» (англ. – *heuristics and biases*) в значении «систематическое отклонение от реальности/нормы», являющееся результатом действия ряда эвристик и предубеждений в мышлении и суждениях человека (Tversky, & Kahneman, 1974). Отклонение от реальности может произойти в ходе разных познавательных процессов, в соответствии с которыми выделяются такие типы когнитивных иллюзий, как перцептивные иллюзии (оптические иллюзии типа тени Адельсона, вазы Рубина и др.), иллюзии мышления (ошибка конъюнкции, ошибка подтверждения и др.), иллюзии суждения (эвристика доступности, принцип Поллианны и др.) и памяти (иллюзия Моисея, знание задним числом и др.) (Pohl, 2022; Grishechko, Tomalin, 2025).

Когнитивная иллюзия до настоящего времени чаще всего становилась объектом исследования когнитивной и социальной психологии, где укоренилось представление о ней как о негативном

явлении, подлежащем предотвращению (Tversky, & Kahneman, 1974; Pohl, 2022). Так, термин «когнитивная иллюзия» во множестве случаев синонимичен терминам, имеющим подчеркнуто негативную коннотацию, например, термину «когнитивное искажение», введенному психотерапевтом А. Беком для обозначения ошибок мышления. Наряду с терминами «иллюзия» и «искажение» для различного вида когнитивных отклонений используется метафорический термин «ловушка мышления».

Когнитивная иллюзия, однако, мало изучена как целенаправленный и управляемый механизм формирования гетеротопии в институциональном дискурсе, в частности, коммеморативном.

В настоящем исследовании мы рассматриваем когнитивную иллюзию вне ее коннотации как ключевой механизм гетеротопии «коллективная память» в коммеморативном дискурсе. Основной принцип действия когнитивной иллюзии мы считаем возможным описать формулой «КАК смотришь определяет то, ЧТО видишь», применимой для большинства оптических иллюзий. Элемент «ЧТО» мы принимаем за константу, репрезентирующую собственно гетеротопию «коллективная память», в то время как элемент «КАК» вариативен и представлен рядом заранее известных «ракурсов» интерпретации (англ. – *biases*), задаваемых исходя из знания о «эвристиках и предубеждениях» человека. Мы полагаем, что термин «ракурс» в большей мере, чем термин «предубеждение», отражает характер обозначаемого явления, поскольку лишен негативной коннотации и содержит в себе указание на изменяемость, субъективность и антропоцентризм – «точка зрения, угол зрения»[3].

В результате анализа эмпирического материала нами было установлено, что когнитивная иллюзия, лежащая в основе гетеротопии «коллективная память», может быть представлена как «иллюзия единства и преемственности». В гетеротопии единство и преемственность становятся объектами метакоммуникативной рефлексии и подвергаются своеобразной «музеефикации», т.е.

---

[3] Ракурс // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – С. 656.

увековечению в качестве коллективного достояния, что служит связующей основой для пространственной рамки «виртуального музея памяти».

Когнитивная матрица гетеротопии «коллективная память»

Моделирование гетеротопии «коллективная память» мы считаем целесообразным произвести с применением когнитивно-матричного анализа – метода исследования, разработанного Н.Н. Болдыревым в начале 2000-х гг. применительно к концептуально-сложным форматам знания (Болдырев, Алпатов, 2008). В основу анализа кладется предложенное Р. Лэнекером определение когнитивной матрицы как «набора концептуальных областей» (Langacker, 1987, с. 147) и разработанная И.В. Арнольд методика практического применения матрицы для моделирования семантической структуры многозначного слова (Арнольд, 1966).

Отправным положением когнитивно-матричного анализа является то, что есть сложное знание особого формата, «многоаспектное знание», или «знание матричного формата», которое включает в себя различные когнитивные контексты, или «концептуальные области» в концепции Р. Лэнекера, и в силу своей нестереотипной структуры не подлежит объяснению традиционными методами (Болдырев, Алпатов, 2008, с. 5). В качестве примера приводится концепт «культура», состоящий из таких компонентов, как «нравы», «традиции», «обычаи», «ценности» (Там же).

Для осмысления многоаспектного знания предлагается представлять его как когнитивную матрицу – систему «взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» (Там же). Суть предлагаемого метода когнитивно-матричного анализа заключается в выявлении и описании компонентов когнитивной матрицы, а именно когнитивных контекстов, стоящих за значениями языковых единиц.

В зависимости от структуры выделяются два типа когнитивных матриц – общая и частная. Общая матрица характерна для слов типа «культура», представляющих многоаспектное знание, а частная матрица – для ономастических, диалектных, прецедентных и иных единиц, у которых многоаспектное знание служит «когнитивным фоном» (Болдырев, Алпатов, 2008, с. 7). Таким образом, частная матрица включает в себя общую. Необходимость обращения к

различным аспектам знания (обыденному или экспертному; культурному, языковому, экономическому и пр.) при осмыслении языковой единицы находит отражение в ядерно-периферийном построении ее матрицы. В частной матрице ядро представлено какой-либо закономерностью или общим элементом, а периферия – компонентами (ячейками) матрицы, хотя бы два из которых включены в общую матрицу и являются обязательными, а остальные могут быть опциональными и варьируются в зависимости от факторов интерпретации, например, наличия/отсутствия у интерпретатора экспертных знаний (Там же).

Отмечается возможность перехода матрицы в третье измерение и ее репрезентации в виде трехмерной модели-тензора, например, при анализе ситуации общения (Там же).

Применение когнитивно-матричного анализа к гетеротопии «коллективная память» целесообразно, прежде всего, потому что она репрезентирует многоаспектное знание, интегрирующее знание о пространственно-временном бытии социальной группы в прошлом, настоящем и будущем. Особенностью гетеротопии «коллективная память» является ее динамический характер, который проявляется в активации определенных ее компонентов и дефокусации других в зависимости от задействованного «ракурса».

Сложность и динамичность гетеротопии коммеморативного дискурса, по нашему мнению, следует отразить при помощи трехмерной динамической матричной модели (рис. 1).

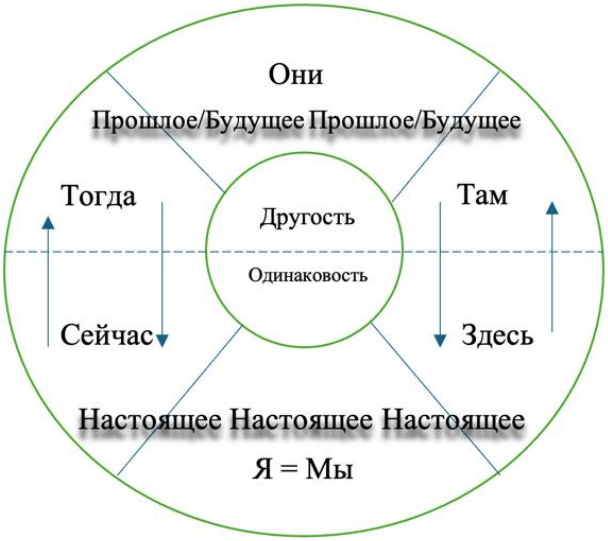

Рис. 1. Модель когнитивной матрицы «гетеротопия “коллективная память”»: план гетеротопии

Предлагаемая нами модель состоит из двух планов – собственно плана гетеротопии и плана интерпретатора, осуществляющего активацию компонентов гетеротопии и переключение между ними. План гетеротопии состоит из ядра, представленного концептуальной оппозицией «другость–одинаковость». Оно обрамлено зеркально расположенными когнитивными контекстами «прошлое/будущее» и «настоящее», первый из которых центрируется вокруг части ядра «другость», а второй – вокруг части ядра «одинаковость». Отнесение прошлого и будущего к одному контексту обусловлено тем, что оба временных пласта не даны нам в непосредственное чувственное восприятие. Граница между контекстами, однако, является проницаемой.

Для обозначения концепта, противопоставленного «одинаковости», было выбрано название «другость» из соображений того, что, в отличие от других смежных обозначений типа «чужесть» или «инаковость», оно проявляет себя в общности прошлого и системы ценностей (Феррони, 2012, с. 120). Главным источником общности в гетеротопии «коллективная память»

выступает прошлое ввиду, с одной стороны, его детерминированности и верифицируемости, с другой стороны, доступности для членов социальной группы в виде памяти очевидцев, объектов материального/духовного наследия и историописания. Именно ингерентная общность делает границу между двумя когнитивными контекстами проницаемой.

Внутри двух временных контекстов мы выделяем зеркально отображенные ячейки: «я=мы» в настоящем, где знак равенства указывает на сближение индивидуального и коллективного, – «они» в прошлом/будущем, «здесь» в настоящем – «там» в прошлом/будущем, «сейчас» в настоящем – «тогда» в прошлом/будущем.

Активация компонентов матрицы, преодоление границы между когнитивными контекстами и последующая диффузия между ними происходят посредством механизма когнитивной иллюзии «единство и преемственность», осуществляемого планом интерпретатора при помощи системы «ракурсов». Компоненты названия «единство» и «преемственность» отражают действие иллюзии соответственно на горизонтальной и вертикальной плоскостях матрицы. В материале исследования нами были выделены следующие основные «ракурсы», каждый из которых адресно воздействует на определенный компонент матрицы: 1) ракурс «близкое расположение», действующий на границе когнитивных контекстов «прошлое/будущее» и «настоящее»; 2) ракурс «ярлыкизация», соответствующий каждому из двух когнитивных контекстов; 3) ракурс «ассоциация» для ячеек «я=мы» и «они»; 4) ракурс «ориентация» для ячеек «здесь» и «там»; 5) ракурс «изменение или стабильность» для ячеек «сейчас» и «тогда» (рис. 2). Названия ракурсов были заимствованы из когнитивной и социальной психологии (Pohl 2022; Ditzinger, 2021).

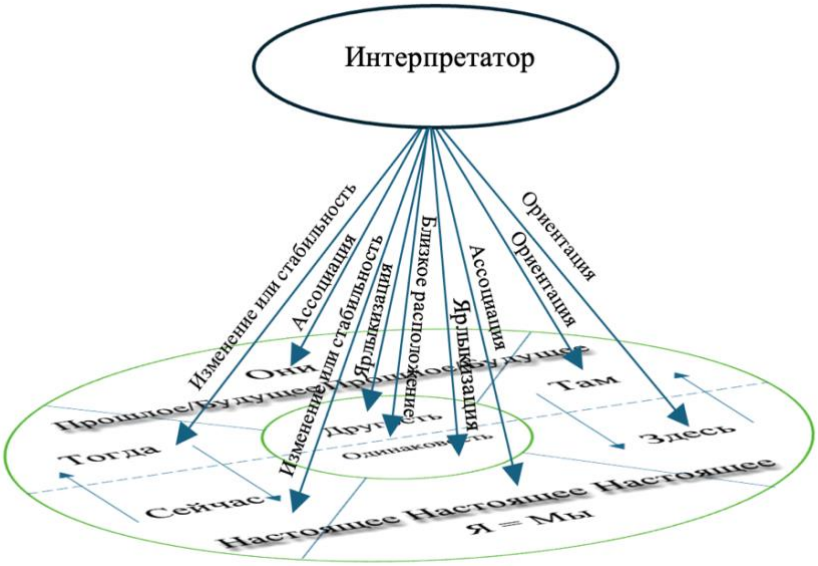

Рис. 2. Объемная модель матрицы «гетеротопия “коллективная память”»

Во-первых, ракурс «близкое расположение» (англ. – *proximity bias*). Суть действия ракурса заключается в том, что интерпретатор склонен отдавать предпочтение объекту, находящемуся в непосредственной близости от себя в пространственном и/или временном отношении. Принцип «чем ближе, тем больше доверия» в разных лингвокультурах отражается в ряде пословиц и поговорок, например, *Out of sight, out of mind* (рус. – «С глаз долой, из сердца вон»). Так, в сфере политики, спорта, маркетинга, финансов предпочтение стереотипно отдается представителям «своих» географических локаций.

В коммеморативном дискурсе ракурс «близкое расположение» выражается в сближении пластов прошлого/будущего и настоящего времени. Как правило, выстраивается временной континуум с доминантным вектором развертывания событий «от настоящего к будущему через прошлое». Сближение достигается за счет одновременного использования в пределах одного высказывания обстоятельств времени, репрезентирующих три временных пласта,

а также «вневременных» лексических единиц – прецедентных имен и паремий. Под паремиями здесь и далее понимаются клишированные языковые единицы с этнолингвокультурным наполнением, чаще всего выражающие народную мудрость (пословицы, поговорки, приметы и пр.) (Пермяков, 1988, с. 80).

Рассмотрим в качестве примера публикацию президента США Джо Байдена от 17.05.2023, посвященную 69-й годовщине исторического решения по делу «Браун против Совета по образованию» 1954 г. признать противоречащей Конституции сегрегацию по расовому признаку в школах. Временной континуум выстраивается по направлению от прошлого через настоящее к будущему с помощью соответствующих обстоятельств времени, видовременных форм глагола и повелительного наклонения (*Today*, *commemorate*, *struck down*, *changed*, *Let's honor*). Актуализация социальной проблемы неравенства как вневременной реализуется посредством прецедентного имени *the Brown v. Board of Education decision* и паремий *we are all created equal* и *We must keep the faith*.

***Today**, we **commemorate** 69 years since **the Brown v. Board of Education decision struck down** the insidious doctrine of separate but equal and **changed** the nation.*

***Let's honor** the movement to make the promise of America – that **we are all created equal** – real.*

We must keep the faith.

Распространенным когнитивным механизмом, обеспечивающим ракурс «близкое расположение» в коммеморативном дискурсе, выступает реификация (лат. *res* – «вещь») – «когнитивная способность человека концептуализировать абстрактные сущности как предметные» (Ирисханова, 2015, с. 62). Реификация способствует «сенсоризации» явлений и событий, не подлежащих чувственному восприятию (прошлого, воспоминаний, наследия и пр.), представляя их актуальными для настоящего времени. Чаще всего реификация реализуется через «погружение» предмета-символа в сценарий действия, что подчеркивает деятельностную направленность коммеморации и важность ее пространственно-временного фактора. К языковым средствам реификации можно отнести динамические глаголы, глаголы с семой «чувственное восприятие» (*to see*, *to tell*, *to shape*), культурно-маркированные слова-символы и прецедентные имена.

В публикации бывшего премьер-министра Великобритании Б. Джонсона от 04.08.2020 акт коммеморации реифицируется за счет слова-символа памяти *candle* и цепочки динамических предельных глаголов: *Tonight* ***a candle has been lit*** *in memory of John Hume and* ***placed*** *in the door of Downing Street. <…>*

Во-вторых, ракурс «ярлыкизация» (англ. – *labeling*), который представляет аксиологическое измерение дискурса. Ярлыкизация заключается, прежде всего, в применении к явлениям и событиям нравственно-оценочных категорий «добро» или «зло» соразмерно аксиосфере данной культуры. В коммеморативном дискурсе ярлыкизации подвергаются, как правило, явления и события прошлого, релевантные для оценки явлений и событий настоящего или будущего времени. В материале исследования категории «зло» и «добро» чаще всего представлены, соответственно, трагическим событием/ошибкой прошлого и положительной тенденцией, позволяющей в той или иной степени исправить или компенсировать «зло» в прошлом. Ввиду характерной для многих культур аксиомы о невозвратимости прошлого (*Leave the past in the past*; *Прошлого не воротишь*; *Что было, то прошло*) исправление или компенсация произошедшего в нем «зла» обычно происходит либо посредством слова, через информационную деятельность по повышению осведомленности о проблеме, либо посредством действия, например, принятия закона, противодействующего социальной несправедливости, либо посредством слова-действия – перформативных актов в рамках социальных практик, в том числе коммеморативной, в которых говорить о борьбе со «злом» – это то же, что с ним бороться.

Типичным языковым средством ярлыкизации выступает эмотивно-оценочная лексика (в том числе коллоквиализмы), прецедентные имена и паремии.

В следующей публикации вице-президента США К. Харрис от 06.05.2024 Холокост маркируется как тотальное зло при помощи отрицательно окрашенной эмотивной лексики (*murdered*, *one of the worst atrocities in human history*, *This pain, suffering, and evil*) и паремии-лозунга *Never Again* (рус. – «Никогда больше»), используемой применительно к геноцидам.

On Holocaust Remembrance Day, we honor the memory of six million Jews who were ***murdered*** *by the Nazis in* ***one of the worst atrocities in human history****.*

This pain, suffering, and evil *must always be remembered and taught to ensure "Never Again."*

В-третьих, ракурс «ассоциация» (англ. – *association*). Его суть заключается в установлении ассоциативных связей 1) между индивидом и социальной группой («я=мы») и 2) между социальной группой в настоящем или будущем и той же социальной группой в прошлом. На наш взгляд, ассоциация позволяет реализовать изоморфизм в репрезентации как непосредственно участников коммеморации, так и участников гетеротопии «коллективная память». Изоморфизм индивида относительно группы мы считаем возможным назвать горизонтальным, а изоморфизм одной группы относительно той же самой группы в другом временном пласте – вертикальным. Изоморфизм выступает необходимым условием ассоциации, поскольку ассоциация как когнитивный процесс предполагает сопоставление, которое невозможно без допущения сходства сопоставляемых объектов.

К языковым средствам ассоциации относятся, прежде всего, лексические единицы, имеющие сему «коллективность»: метонимические местоимения *we/they*, наречие *together*, некоторые прецедентные имена и паремии.

Например, в публикации бывшего премьер-министра Великобритании Р. Сунака от 12.11.2023, приуроченной к Дню памяти павших, с помощью метонимических местоимений *we* и *they* и паремий обозначается межпоколенческая связь. Паремии представлены переформулированной военной поговоркой *They gave their tomorrow for our today* и фразой-хэштегом *Lest We Forget* (рус. – «Мы не забудем») из стихотворения Р. Киплинга «Отпустительная молитва», ставшей лозунгом Дня памяти павших.

For our tomorrow, they gave their today.

We will remember them.

#LestWeForget

В-четвертых, ракурс «ориентация» (англ. – *orientation*). Наряду с ракурсом «близкое расположение» ракурс «ориентация» участвует в оформлении пространственно-временного континуума гетеротопии, осуществляя, прежде всего, маркирование

пространственных координат. Гетеротопия «коллективная память», как правило, имеет четкие границы и координаты, поскольку само ее существование предполагает разграничение между планами реальности и альтернативной реальности, как в примере М. Фуко с зеркалом.

Основным вербальным маркером ориентации в коммеморативном дискурсе выступает прецедентное имя (топоним, эргоним и пр.), чаще всего с символическим значением. Как правило, прецедентное имя сопровождается минимальной информационной справкой, представляющей собой указание обозначаемого места и пояснение его символизма. Можно полагать, что именно прецедентное имя выполняет функцию «зеркала», осуществляя переключение между реальностью и альтернативной реальностью.

В публикации из официального аккаунта премьер-министра Канады Дж. Трюдо от 07.06.2018 локализация коммеморации вербализуется прецедентными именами с указанием на символическое место *the Memorial Chamber in the Peace Tower on Parliament Hill in Ottawa*. Символизм места раскрывается с помощью другого прецедентного имени – *#DDay*, обозначающего высадку союзнических войск в Нормандии 1944 г.

Today, on the 74th anniversary of ***#DDay****, Prime Minister Justin Trudeau and President @EmmanuelMacron visit* ***the Memorial Chamber in the Peace Tower on Parliament Hill in Ottawa****.*

В-пятых, ракурс «изменение или стабильность» (англ. – *change or stability*). Его особенность заключается в том, что человек, сравнивая прошлое с настоящим, склонен проецировать свой опыт в настоящем на опыт в прошлом. Узнав о чем-либо в настоящем времени, человек начинает верить в стабильность своих знаний и впечатлений («так было всегда»). В случае, если человек пытается оправдать свой опыт в настоящем, он склонен преувеличивать степень расхождения между прошлым и настоящим и видеть изменения там, где их нет («раньше было лучше»/«все к лучшему»).

Ракурс «стабильность» обычно реализуется через лексику с семами «продолжительность» или «преемственность» (*continue, heritage* и т.д.), а ракурс «изменение» – через эмотивно-оценочную лексику и параллельные конструкции.

Так, в публикации госсекретаря США Э. Блинкена от 12.07.2022 стабильность работы Государственного департамента США маркируется лексикой с семой «продолжительность» *still* и *remain*.

Strolled down memory lane to my @StateDept office from nearly 30 years ago — the tiny windowless space where I learned the ropes of diplomacy and worked with colleagues whose mentorship I ***still*** *appreciate. @StateEUR's efforts* ***remain*** *vital to our foreign policy. #WalkswithTony*

В нижеприведенной публикации американского политика Р. Кеннеди-мл. от 10.08.2023 параллельные конструкции и эмотивно-оценочное слово *nostalgia* вербализуют изменение, создавая контраст между прошлым, изобилующим возможностями для рабочего класса, и настоящим, где подобные возможности, в понимании политика, имеют статус «поднятых ожиданий того, что возможно».

When I was a kid, ***blue-collar workers could support*** *a family on one income.* ***They could buy*** *a house.* ***They could take*** *vacations.* ***They could save*** *for retirement. I say this not to evoke* ***nostalgia****, but to raise our expectations for what is possible.*

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в лингвистике под гетеротопией можно понимать вербализованный дискурсивный конструкт, который представляет собой коммуникативное пространство альтернативной реальности, в той или иной мере противоречащее реальности. В коммеморативном дискурсе гетеротопия центрируется вокруг концепта «коллективная память» и принимает форму «виртуального музея» ее трансляции.

Во-вторых, ключевым механизмом гетеротопии «коллективная память» выступает когнитивная иллюзия, под которой мы понимаем когнитивный механизм, задающий толкование реальности посредством определенного набора «ракурсов» ее репрезентации, или точек зрения. Специфика реализации когнитивной иллюзии в коммеморативном дискурсе может быть отражена при помощи названия «иллюзия единства и преемственности». На гетеротопию «коллективная память» когнитивная иллюзия воздействует при помощи пяти «ракурсов»,

каждый из которых адресно направлен на определенный ее компонент: «близкое расположение», «ярлыкизация», «ассоциация», «ориентация», «изменение или стабильность».

В-третьих, в силу сложности и динамичности гетеротопии коммеморативного дискурса ее целесообразно представить в виде трехмерной динамической матричной модели с ядерно-периферийной структурой. Модель состоит из двух взаимосвязанных планов – плана гетеротопии и плана интерпретатора. Активация гетеротопии происходит через план интерпретатора посредством вышеперечисленных «ракурсов». План гетеротопии состоит из ядра, образованного концептуальной оппозицией «другость–одинаковость», вокруг которого зеркально расположены когнитивные контексты «прошлое/будущее» и «настоящее». Граница между когнитивными контекстами проницаема, что позволяет осуществлять вертикальное передвижение между ними.

В-четвертых, среди средств вербализации гетеротопии «коллективная память» особое место занимают прецедентные имена и паремии, поскольку они способны реализовывать перемещение как горизонтально, внутри ячеек матрицы, так и вертикально – между временными планами гетеротопии.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: на материале имени существительного // Ученые записки / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Т. 295. Л.: Просвещение, 1966.
2. Баева Л.В. Медиаобъекты как гетеротопии // Медиафилософия XIII. Универсум цифрового разума: новые территории смысла / Под ред. В.В. Савчука. СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2017. С. 6–13.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015.
4. Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №4(17). С. 5–14.

5. Ирисханова О.К. Реификация в аспекте моно- и полимодальности коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 62–64.
6. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №1. С. 14–31. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31.
7. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М: Знак, 2012.
8. Лазаренко Л.В., Суздальцева Л.С. Язык гетеротопии: лингвистическая репрезентация времени в «Записках из мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2020. Вып. 16. С. 22–28. DOI: 10.22250/WFDA.2020.16.4.
9. Малинина Т.Г. (отв. ред.). Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик / М.В. Дуцев, С.С. Ванеян, В.В. Карпов и др. М.: БуксМАрт, 2020.
10. Малюга Е. Н. Взаимовлияние деловой коммуникации и межкультурного делового дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 84. С. 147-155. EDN: JVWLOH
11. Маслова В.А. Коммуникативное пространство как важнейшая категория современной лингвистики и лингвокультурологии // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 8(1). С. 17–23. DOI:10.22363/2313-2299-2017-8-1-17-23.
12. Мурашова Е.П. Лингвокогнитивная организация коммеморативного дискурса (на материале политических онлайн-текстов) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. №55. С. 29–52. DOI: https://doi.org/10.25076/vpl.55.02.
13. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
14. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001.
15. Скворцов Л.В., Комалова Л.Р., Сергеев С.С. Культурно-исторический феномен гетеротопии в цифровую эпоху // Информационное общество: образование, наука, культура и

технологии будущего. 2019. Вып. 3. С. 119–127. DOI: 10.17586/2587-8557-2019-3-119-127.
16. Феррони В.В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2012. №1. С. 112–130.
17. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.
18. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad: АОЗТ «Талисман», 1994.
19. Шестакова Э.Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. 2014. №1. С. 58–72.
20. Яковлева М.Г. Проблема виртуализации реальности в постмодернистской культуре // Манускрипт. 2021. Том 14. Вып. 6. С. 1185–1189. DOI: https://doi.org/10.30853/mns210212.
21. Bozia E. Politics of Language: Foreign Nativeness and Identity in the Roman Empire. London, New York, Dublin: Bloomsbury Publishing, 2024.
22. Ditzinger T. Illusions of Seeing: Exploring the World of Visual Perception. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2021.
23. Dokuchaev I.I., Golokhvast K.S., Sokolov A.M. Virtual reality and the problem of illusion // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2023. Vol. 39. №1. Pp. 18–29. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.102.
24. Grishechko E.G., Sharma G., Zheleznova K.Y. Peculiarities of Indian English as a separate language // Propositos y Representaciones. 2021. № 9. P. e913. DOI: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.913 EDN: IWOZRT
25. Grishechko E.G., Tomalin B. Cognitive engagement in scientific writing: empirical evidence on research data processing variation // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2025. №11(2). P. 54-79. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-2-0-3
26. Hess-Lüttich E.W.B. Spatial turn: on the concept of space in cultural geography and literary theory // Meta-Carto-Semiotics: Journal for Theoretical Cartography. 2017. Vol. 5. №1. Pp. 27–37.

27. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
28. Laplace, P.-S., marquis de. A Philosophical Essay on Probabilities. 1st ed. New York: John Wiley & Sons; London: Chapman & Hall, Limited, 1902.
29. Linell P. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse // Text & Talk. 1998. Vol. 18. №2. Pp. 143–157.
30. Malyuga E.N., Tomalin B. Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse // Training, Language and Culture. 2017. № 1(1). Pp. 28–45. DOI: 10.29366/2017tlc.1.1.2.
31. Pohl R.F. What Are Cognitive Illusions? // R.F. Pohl (ed.), Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory. 3rd ed. London & New York: Routledge, 2022. Pp. 3–23.
32. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases // Science. New Series. 1974. Vol. 185, №4157. Pp. 1124–1131.

References

Arnold, I.V. (1966). *Semanticheskaya struktura slova v sovremennom angliiskom yazyke i metodika ee issledovaniya: na materiale imeni sushchestvitel'nogo* [The Semantic Structure of the Word in Modern English Language and Research Methodology for It: Based on the Noun]. Leningrad: Prosveshchenie. (in Russian).

Baeva, L.V. (2017). Mediaob'ekty kak geterotopii [Mediaobject as heterotopia]. In V.V. Savchuk (Ed.), *Mediafilosofiya XIII. Universum tsifrovogo razuma: novye territorii smysla* (pp. 6–13). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe Filosofskoe obshchestvo. (in Russian).

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow: Izd. dom "POSTUM". (in Russian).

Boldyrev, N.N. & Alpatov, V.V. (2008). A cognitive-matrix analysis of English Christian place-names. *Issues of Cognitive Linguistics, 4*(17), 5–14 (in Russian).

Bozia, E. (2024). *Politics of Language: Foreign Nativeness and Identity in the Roman Empire*. London, New York, Dublin: Bloomsbury Publishing.

Ditzinger, T. (2021). *Illusions of Seeing: Exploring the World of Visual Perception*. Cham: Springer Nature Switzerland AG.

Dokuchaev, I.I., Golokhvast, K.S. & Sokolov, A.M. (2023). Virtual reality and the problem of illusion. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, 39*(1), 18–29. doi: https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.102.

Ferroni, V.V. (2012). Tri lika Drugogo: «Drugoi», «Inoi», «Chuzhoi» [Three faces of the Other: The Other, the Different, and the Alien]. *Vestnik of Voronezh State University. Series: Philosophy, 1*, 112–130. (in Russian).

Foucault, M. (1994). *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things: An Archeology of the Humanities]. Saint Petersburg: A-cad: AOZT: "Talisman". (in Russian).

Foucault, M. (2006). Drugie prostranstva [Of other spaces]. In V.P. Bolshakov (Ed.), *Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu, Part 3*, (pp. 191–204). Moscow: Praksis. (in Russian).

Grishechko, E.G., Sharma, G., & Zheleznova, K.Y. (2021). Peculiarities of Indian English as a separate language. *Propositos y Representaciones, 9,* e913. DOI: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.913

Grishechko, E.G., & Tomalin, B. (2025). Cognitive engagement in scientific writing: empirical evidence on research data processing variation. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics, 11*(2), 54-79. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-2-0-3

Hess-Lüttich, E.W.B. (2017). Spatial turn: on the concept of space in cultural geography and literary theory. *Meta-Carto-Semiotics: Journal for Theoretical Cartography, 5*(1), 27–37.

Iriskhanova, O.K. (2015). Reification as seen through mono- and multimodality of communication. *Cognitive Studies of Language, 22*, 62–64. (in Russian).

Karasik, V.I., & Slyshkin, G.G. (2021). Modern discourse developmental trends. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1*, 14–31. doi: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31. (in Russian).

Kubryakova, E.S. (2012). *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of Language. Cognitive Studies]. Moscow: Znak. (in Russian).

Langacker, R.W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.

Laplace, P.-S., marquis de. (1902). *A Philosophical Essay on Probabilities*. 1st ed. New York: John Wiley & Sons; London: Chapman & Hall, Limited.

Lazarenko, L.V., & Suzdaltseva, L.S. (2020). Language of heterotopy: linguistic representation of time in "Notes from the Dead House" F.M. *Word: Folklore-Dialectological Almanac, 16*, 22–28. DOI: 10.22250/WFDA.2020.16.4. (in Russian).

Linell, P. (1998). Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse. *Text & Talk, 18* (2), 143–157.

Malinina, T.G. (Ed.) (2020). *Khudozhestvennye miry XXI veka. Puti integratsii arkhitektury i art-praktik* [Artistic Worlds of the XXI c. Ways of Integration of Architecture and Art Practices]. Moscow: BuksMArt. (in Russian).

Malyuga, E.N. (2008). The interinfluence of business communication and intercultural business discourse. *Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, 84*, 147-155. EDN: JVWLOH (in Russian).

Malyuga, E.N. & Tomalin, B. (2017). Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse. *Training, Language and Culture, 1*(1), 28–45. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.2.

Maslova, V.A. (2017). Communicative space as an important category of modern linguistics and linguocultural studies. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 8*(1), 17–23. doi:10.22363/2313-2299-2017-8-1-17-23. (in Russian).

Murashova, E.P. (2024). Linguocognitive grounds of commemorative discourse (an analysis of online political texts). *Issues in Applied Linguistics, 55*, 29–52. DOI: https://doi.org/10.25076/vpl.55.02. (in Russian).

Permyakov, G.L. (1988). *Osnovy strukturnoi paremiologii* [The Basis of Structural Paroemiology]. Moscow: Nauka. (in Russian).

Pocheptsov, G.G. (2001). *Teoriya kommunikatsii* [The Theory of Communication]. Moscow: Refl-buk, Vakler. (in Russian).

Pohl, R.F. (2022). What are cognitive illusions? In R.F. Pohl (Ed.), *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory*. 3rd ed. (pp. 3–23). London & New York: Routledge.
Shestakova, E.G. (2014). Heterotopia – modern operating concept of the humanities: literary aspect. *Critique and Semiotics, 1*, 58–72. (in Russian).
Skvortsov, L.V., Komalova, L.R. & Sergeev, S.S. (2019). Cultural and historical phenomenon of heterotopia in digital era. *Information Society: Education, Science, Culture and Future Technologies, 3*, 119–127. (in Russian).
Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *Science. New Series, 185* (4157), 1124–1131.
Yakovleva, M.G. (2021). Issue of reality virtualisation in postmodernist culture. *Manuscript, 14*(6), 1185–1189. DOI: https://doi.org/10.30853/mns210212. (in Russian).

УДК 81
https://doi.org/10.25076/vpl.59.02
Ю.А. Филясова,
Д.С. Левин[4]
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ О ТРУДЕ

В статье представлен сопоставительный анализ аксиологических ценностей паремиологических единиц английского и японского языков объемом 100:100 единиц. Цель исследования состояла в определении сходств и различий в особенностях коллективного мировосприятия трудовой деятельности в разных лингвокультурах. Методами исследования послужили дифференциальная выборка пословиц, соответствующих

[4] © **Филясова Ю.А., Левин Д.С**. 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0